

Научная статья
УДК 821.161.1.09⁴18
DOI: 10.15393/j9.art.2021.8982

Оппозиция Закона и Благодати в духовном опыте Пьера Безухова в «Войне и мире» Л. Н. Толстого

А. С. Кондратьев ^{1✉}, К. А. Меринов ²

^{1,2} *Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк, Российская Федерация)*

¹ e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru ✉

² e-mail: klikovic123@gmail.com

Аннотация. Проблема понимания русской литературы предполагает освоение авторской концепции человека, укорененной в духовной традиции отечественной культуры. Научное освещение художественного преломления религиозно-философской оппозиции Закона и Благодати, Божественной силы, спасающей от греха, в становлении персонажа расширяет представления о смысловых глубинах произведения, открывающих новыми смыслами в «большом времени». Замысел романа Л. Н. Толстого «Война и мир» был обусловлен произошедшим культурно-историческим переломом в духовном опыте русского народа. В оценках событий и человека Толстой руководствуется христианской традицией отечественной культуры. Не подвергавшееся сомнению суждение о благодатных итогах духовной биографии Пьера Безухова нуждается в уточнении. Князь Андрей и Безухов не приняты великосветским обществом, но находят друг с другом общий язык. Однако если Болконский после встречи с Наташей отошел от увлекавшего его законотворчества, а с началом войны, отказавшись от предложения Кутузова, почувствовал ответственность за обреченных солдат, был ранен, по-христиански простил Курагина, перед смертью попросил Евангелие, то Безухов так и не стал «Петром Кирилловичем» и был сосредоточен на самоопределении в подзаконных сферах земной жизни, актуализируя значение человеческих усилий для преобразования общества. Безухов не совершил выбор между Законом и Благодатью, в отличие от Болконского, благословившего своего сына, так что заглавие книги апеллирует к извечной христианской оппозиции Закона, или войны, и Благодати, то есть мира.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Закон, Благодать, Андрей Болконский, Пьер Безухов, нравственный выбор, духовная биография героя

Для цитирования: Кондратьев А. С., Меринов К. А. Оппозиция Закона и Благодати в духовном опыте Пьера Безухова в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 194–208. DOI: 10.15393/j9.art.2021.8982

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.8982

The Opposition Between Law and Grace in the Spiritual Experience of Pierre Bezukhov in *War and Peace* by L. N. Tolstoy

Alexander S. Kondratiev ¹✉, Kirill A. Merinov ²

^{1,2} *Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky*
(Lipetsk, Russian Federation)

¹ e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru ✉

² e-mail: klikovic123@gmail.com

Abstract. The problem of understanding Russian literature implies a grasp of the author's concept of a human being, rooted in the spiritual tradition of Russian culture. Scientific analysis of the artistic refraction of the religious and philosophical opposition between Law and Grace, the divine power that saves from sin, in the formation of the character expands the idea of the semantic depths of the work, which open up new meanings in the "big time". The idea of *War and Peace* was conditioned by the challenges of the cultural and historical turning point in the spiritual experience of the Russian people. In assessing events and people, Tolstoy is guided by the Christian tradition of the Russian culture. The previously undisputed assessment of the blessed results of Pierre Bezukhov's spiritual biography needs to be clarified based on the conclusions and provisions of the Christian basis of Russian literature. Prince Andrey and Bezukhov were not accepted by the high society, but managed to find common ground. However, Bolkonsky's interest in lawmaking faded after meeting Natasha, and when the war began, he refused Kutuzov's proposal, felt responsibility for the doomed soldiers, forgave Kuragin in a Christian way and asked for the Gospel before dying, while Bezukhov never became Peter Kirillovich and was focused on self-determination in the subordinate spheres of earthly life, actualizing the importance of human efforts for the transformation of society. Bezukhov had never made a moral choice between Law and Grace, unlike Bolkonsky, who blessed his son. Thus, the title of the book appeals to the eternal Christian opposition of Law, or war, and Grace that is peace.

Keywords: Leo Tolstoy, Law, Grace, Andrey Bolkonsky, Pierre Bezukhov, moral choice, spiritual biography of the hero

For citation: Kondratiev A. S., Merinov K. A. The Opposition Between Law and Grace in the Spiritual Experience of Pierre Bezukhov in "War and Peace" by L. N. Tolstoy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 194–208. DOI: 10.15393/j9.art.2021.8982 (In Russ.)

Становление литературоведческой аксиологии, преодолевающей антитезу *изучения и понимания*, направляет исследователей на освоение духовно-художественного преломления категорий православного мировосприятия в творческом сознании классиков. Справедливо отмечает И. А. Есаулов: «Историю оригинальной русской словесности начинает “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона <...> Этот по-своему символический факт еще не осмыслен в должной мере. До недавнего времени русская словесность словно бы отрывалась от своего истока <...> Хотя адекватный своему предмету контекст понимания и начинает восстанавливаться в последние десятилетия в нашей науке» [Есаулов, 2017а: 13].

Религиозно-философская оппозиция Закона и Благодати¹ существенно расширяет представления о нравственных коллизиях самоопределения персонажа, выводя его из семантического поля затверженных стереотипов². Герой, таким образом, в «спектре адекватности» авторскому замыслу раскрывается читателю.

Завершая роман «Война и мир», затрагивающий проблему нравственной ответственности человека за выбор ценностных ориентиров, Толстой писал 7 ноября 1868 г. М. П. Погодину о своих планах вступить в диалог с грядущими поколениями русского народа: «...иногда и часто в последнее время мне приходят мысли о бессрочном историко-философском издании <...>. Издание это <...> я мечтал бы назвать: *Несовременник*»³. Не случайно впоследствии французский писатель Франсуа Мориак отмечал близость проблематики «Войны и мира» «большому времени»: «Перечитывая “Войну и мир”, я чувствую, что передо мной не пройденный нами этап, а утраченный нами секрет» [Мориак: 161].

В «Войне и мире» Толстой, вскрывая закономерности развития национального самосознания в свете эволюции характеров героев, руководствуется «данной нам Христом мерой хорошего и дурного» [Толстой, VII: 177] в оценках событий и принимаемых людьми решений. И, отвергнув самонадеянные законнические притязания «наполеоновского толка», писатель выдвигает аксиоматическое положение о благодатном смирении: «...необходимо отказаться от несуществующей

свободы и признать неощущаемую нами зависимость» [Толстой, VII: 355].

В 1865 г., намечая план истории Наполеона и Александра I для романа под первоначальным названием «Тысяча восемьсот пятый год», Толстой делает акцент на человеческих судьбах в эпоху цивилизации, прогресса, вопросов, сводящихся к преобразованию общественно-социальных отношений. «Поэма, героем к[оторо]й был бы по праву человек, около к[отор]ого все группируется, и герой — этот человек» (48, 61), — записал он в это время в дневнике. Именно *человек* — как способный исполнить предначертанное, но отнюдь не исторический деятель, потому что Толстой, полагаясь на православные доминанты духовной традиции национального самосознания, последовательно шел к убеждению: «...воля исторического героя не только не руководит действиями масс, но сама постоянно руководима» [Толстой, VII: 73], что восходит к библейской аксиологии: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его» (Иер. 10:23). Приступая к воплощению сложнейших сцеплений и парадоксальных сопряжений судеб человеческих в сценах Бородинского сражения, Толстой безапелляционно — к явному недоумению историков — в свете православного миропонимания («...если не по Благодати, то не по делам; иначе Благодать не была бы уже Благодатию» — Рим. 11:6) отвергает фарисейскую праведность:

«Древние (то есть законники. — А. К., К. М.) оставили нам образцы героических поэм, в которых герои составляют весь интерес истории, <...> для нашего человеческого времени (с благодатными приоритетами. — А. К., К. М.) история такого рода не имеет смысла» [Толстой, VI: 193].

В связи с этим весьма значима для толстоведения мысль И. А. Есаулова, предполагающая одно из решений научной проблемы освоения творческого наследия писателя в контексте христианской культуры: «...в своем художественном творчестве (на уровне *культурного* бессознательного) в целом ряде вершинных произведений он как раз замечательно засвидетельствовал собственную укорененность в православной культурной традиции»⁴ [Есаулов, 2017b: 193].

Так, хрестоматийный рассказ Толстого «После бала», поразивший в обличительных, стереотипных оценках, И. А. Есаулов вводит в контекст культурной традиции православного народа, объясняя, почему в Прощеное воскресенье рассеялась любовь героя к Вареньке: «Чистый понедельник начинается для него съ того, что “пошелъ къ пріятелю и напился съ нимъ совѣмъ пьянъ”»: такъ понедельникъ для Ивана Васильевича не сталъ *чистымъ*» [Есауловъ, 2020: 153].

«Война и мир», как феномен национального самосознания, не может быть вынесен за скобки православной традиции отечественной культуры. Духовный опыт главных героев, князя Андрея и Пьера Безухова, требует пристального внимания исследователей и освобождения от наслоений постсоветских мифологем.

Точка зрения, распространенная в советском литературоведении, о месте и значении в романе Пьера Безухова, едва ли не alter ego Толстого⁵, на современном этапе развития науки должна быть уточнена в соответствии с положениями и выводами о христианском основании отечественной словесности. Разбирая сцену сна Безухова на постоялом дворе в Можайске, Ричард Ф. Густафсон использует штампы: «...Пьер видится самому себе: Пьер-повеса, какой он сейчас, и преображенный Пьер, каким он станет <...> найдет свое место в мире, человек духа» [Густафсон: 312]. Реконструируя религиозные воззрения Толстого, принстонский профессор даже не отмечает, что мысли Пьера насчет *общей жизни* и его внезапное духовное прозрение были словно дарованы кем-то и пришли откуда-то, чего герой так понять и не смог, да и вовсе не пытался:

«...он наяву не был в состоянии так думать и выражать свои мысли» [Толстой, VI: 304].

Если антропологические воззрения Толстого сводятся к максиме *Все и часть Всего*, составляющие которой образуют единораздельную целостность человеческой природы и обусловлены православной аксиологией («...кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» — Мк. 9:35), то Пьер Безухов так и не осознает себя *одним из других* и духовно *сопряженным* с ними, а посему все пригрезившееся, каким

бы оно ни было завораживающим, все-таки не есть путь его самоопределения:

«...с ужасом почувствовал, что всё значение того, что он видел и думал во сне, было разрушено» [Толстой, VI: 304].

Князь Андрей и Пьер Безухов не приняты великосветским обществом у Шерер. Там они словно *чужие* и вызывают плохо скрываемое раздражение, их же сближает друг с другом доверие к законническим ориентирам, стремление утвердиться собственными силами. В черновых вариантах Толстой намечал перспективу актуализации самонадеянных и дерзновенных помышлений Безухова, так и не ставшего Петром Кирилловичем⁶:

«M-r Pierr мечтал быть оратором, государственным человеком в роде Мирабо или полководцем в роде Кесаря и Наполеона. Он, менее всех в мире рожденный к такой деятельности, считал себя рожденным для нее» (13, 227).

Тяготение к фарисейству проявляется и в филантропических затеях Безухова, и в наивном прельщении масонскими идеалами, о чем он с упоением поведал при встрече в Богучарове своему другу. Переезд князя Андрея из Лысых Гор сюда свидетельствует о наметившемся в нем духовном обновлении. Болконский разуверился еще во время Шенграбенского сражения в возможности совершить подвиг. Затем, вернувшись в Петербург и поступив на службу, он под впечатлением от неожиданной встречи с Ростовой на балу, накануне открытия Государственного совета, пересмотрел отношение к службе:

«...вспомнил мужиков, Дрона-старосту, и приложив к ним права лиц <...> ему стало удивительно, как он мог так долго заниматься такой праздною работой» [Толстой, V: 219].

По-новому Безухов увидел заигравшегося в величие самого Сперанского, в котором надеялся отыскать «полное совершенство человеческих достоинств» [Толстой, V: 172]. И, как ни удивительно, его отец, генерал-аншеф князь Николай Андреевич, творивший историю Екатерининской эпохи и намеревавшийся в парадном мундире доложить главнокомандующему о решении защищать от наполеоновской армии

лысогорский рубеж, был все-таки преисполнен тяготения к безусловным реалиям жизни. Потому и старик Болконский, никогда не благословлявший своих детей, иронизировал над возобладавшей практикой изощренного рационализма в плане подчинения человеку жизненных явлений:

«...в Петербурге всё пишут <...> новые законы <...>. Мой Андрюша там для России целый волюм законов написал» [Толстой, V: 317].

«Андрюша» — так ласково называет своего сына всегда суровый Болконский, хотя его отношения с ним не отличались особой нежностью. А после этой реплики следует едкая ремарка Толстого, выявляющая авторское отношение к сказанному: «неестественно засмеялся» [Толстой, V: 317]. Ведь свершившееся на его глазах затянувшееся бесполезное законотворчество дошло до опасной черты: всерьез нельзя воспринимать, и надо постараться хотя бы осмеять. В черновых вариантах была куда более резкая оценка Толстого соблазна реформаторским угаром:

«...говорится о духе нового времени, <...> о правах человека, <...> и под предлогом этих идей и выступают на поприще самые неразумные страсти человека» (13, 672).

Так старый князь на именинах высказался по поводу редакции дипломатической ноты в связи с захватом владений герцога Ольденбургского. Гостей Николая Андреевича, а среди них был и не обойденный вниманием старика Пьер Безухов, тяготевающий к элите, всерьез занимали эти пустейшие разговоры.

Отступая с армией через Лысые Горы, полковник Болконский, отказавшийся от предложения Кутузова остаться в штабе армий, видит плещущихся в пруду солдат и сожалеет об их участи «пушечного мяса» — и в этом нет и намек на уже изжитый комплекс гордыни: здесь дает о себе знать чувство ответственности за произвольное, якобы из благих побуждений, манипулирование судьбами людскими. На перевязочном пункте смертельно раненный князь Андрей по-христиански простил Курагина, а затем, преодолевая боль, попросил доктора дать ему Евангелие — и в мыслях он встретился с Наташей. Предсмертные размышления Болконского

в духовных координатах православной аксиологии, особенно после посещения Троице-Сергиевой Лавры («...мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику» — [Толстой, VII: 69]), свидетельствуют о духовном преображении героя, освободившегося из порабощающего плена Закона и нашедшего спасение в Благодати. Толстой проводит героя, мыслившегося ему поначалу эпизодическим, по сложнейшему пути духовного становления, вопреки усвоенным безблагодатным установкам семьи Болконского и эпохи, и выявляет исконное для русской души освобождение от призрачных условностей и духовное спасение в благодатных сферах бытия. Для углубления представлений об итогах духовной биографии Болконского может служить научным ориентиром выдвинутый Ю. В. Лебедевым тезис: «...Толстой исподволь подводит князя Андрея к открытию религиозных ценностей жизни, которых он не понимал и к которым долго был пренебрежителен» [Лебедев: 95].

И. А. Есаулов, исследуя духовное становление национального характера под влиянием православной культурной традиции, определяющейся антитезой Закона и Благодати, делает вывод: «Эта оппозиция намечает два возможных способа ориентации человека в мире: самоутверждение в земной жизни и духовное спасение <...> Благодать <...> результат спасительного воздействия <...> святого духа и противопоставляется Закону» [Есаулов, 2017b: 116].

И князь Андрей Болконский, прошедший путь от готовности пожертвовать родными и близкими «за минуту славы, торжества над людьми» [Толстой, IV: 334] до преломления в итоговых размышлениях утверждения «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8) сохраняет свой внутренний мир и спасает его от деформирующего влияния сил, чужеродных человеку.

В отличие от Болконского, Пьер старается убедить Наташу и княжну Марью в оправданности человеческих усилий по переустройству жизненных форм на законотворческом поприще:

«Мы думаем, что как нас выкинет из привычной дорожки, всё пропало: а тут только начинается новое, хорошее» [Толстой, VII: 235].

В его духовной биографии проявились как всколыхнувшееся чувство любви к Наташе и благодатное ощущение собственной *соприродности* с миром («И всё это мое, и всё это во мне, и всё это я!» — [Толстой, VII: 115]), так и искушающий соблазн совершить «великий подвиг», положив предел власти Наполеона, — но не по велению души, а подтасовкой «базы данных», дабы получить право исполнить отнюдь не задуманное, а якобы предначертанное:

«Как, какую связь был он соединен с тем великим событием, которое было предсказано в Апокалипсисе, он не знал; но он ни на минуту не усумнился в этой связи» [Толстой, VI: 85].

Эту связь установил он сам для того, чтобы выйти из плена однообразия суетной обыденности. Безухов с упоением предался новой затее, высчитывая свое место в истории. Направляясь к месту решающего сражения, он не совсем понимал смысл происходящего, «но самое жертвование составляло для него новое радостное чувство» [Толстой, VI: 191].

Последняя встреча Безухова с Болконским перед Бородином разводит их. Причиной разлада друзей стало обольщение Пьера мнимой величиестью и силой Наполеона, в ответ на что полковник Болконский резко парирует:

«...на войне один батальон иногда сильнее дивизии, а иногда слабее роты» [Толстой, VI: 215].

Налицо апелляция Пьера к *Закону* — все в руках человека; тогда как князь Андрей, признанный солдатами *своим*, полагается на *Благодать* — смиренное исполнение предначертанного и спасение от истощающего душу влияния злого духа, когда человек на его вмешательство в свою жизнь решительно парирует: «*Нет*», сохраняя себя — свою жизнь и духовный облик. Если не принять во внимание антиномичность ценностных ориентиров Болконского и Безухова — Закона и Благодати, то многое остается непонятным, а выводы об их охлаждении друг к другу всегда оказываются малоубедительными.

Прошедший через испытания соблазнами и смертельной опасностью, Безухов так и остается Пьером, мечтателем и сущим *ребенком*, неповзрослевшим и не нашедшим себя. Возвратившись накануне Зимнего Никола из Петербурга, где его

соратники и сподвижники, «настоящие консерваторы и джентльмены», планируют предотвратить якобы готовящееся народное возмущение, Пьер был уверен, что он, ни много ни мало, «призван дать новое направление всему русскому обществу и всему миру» [Толстой, VII: 307], и начал восторженно рассуждать о последних новостях и необходимости действенно противостоять утвердившейся государственности. Слова Безухова, преисполненные романтической патетики, вызвали трепетное воодушевление Николеньки Болконского, с восторгом внимавшего каждому его слову и с восхищением, снизу вверх смотревшего на друга отца: они оба чувствовали душевный порыв, охвативший их. Николай Ростов, восстановивший свой дом, открытый, как и было при родителях, для гостей, отвечает своему зятю и другу:

«И вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадроном и рубить — ни на секунду не задумаюсь и пойду. А там суди, как хочешь» [Толстой, VII: 298].

Графиня Ростова поддержала супруга в его решительном ответе:

«<...> он забывает, что у нас есть другие обязанности ближе, которые сам Бог указал нам, и что мы можем рисковать собой, но не детьми» [Толстой, VII: 301].

Еще на войне Николай Ростов не смог признать подвигом в Салтановском сражении атаку Раевского вместе с сыновьями-подростками под ожесточенным огнем противника: «...не только Петю-брата не повел бы, но и Ильина даже, этого чужого мне, но доброго мальчика, постарался бы поставить куда-нибудь под защиту» [Толстой, VI: 62]. Георгиевский крест, как награда не за пленение, а, по сути, за спасение французского офицера, показался Николаю Ростову не вполне заслуженным. Репутация отчаянного храбреца, прошедшего с армией до Парижа и вернувшегося русским по духу, была ему безразлична. И поэтому в своем кругу он весьма резко выговаривает Пьеру: не может допустить очередных потрясений во имя исправления рода человеческого из каких бы то ни было побуждений. Давая в эпилоге «Войны и мира» слово *родовитому*

Николаю Ростову, Толстой отвергает любые притязания самозванца Бонапарта на сомнительные благодеяния человечеству. Пьер же, как был, так и остается до конца не определившимся: в салоне Шерер, где он пришлый, — *оправдывает* Наполеона; у Ростовых, где он едва ли не долгожданный гость, — *оправдывает* свои идеи о всеобщем благе. В разговоре с Наташей о домашнем и насущном Пьер выступает, словно оратор перед петербургской публикой, и предстает уверенным во всемогуществе человека, пытающимся заявить о себе по Закону:

«Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое» [Толстой, VII: 307].

Это свидетельствует о том, что эволюционный вектор духовного самоопределения героя явно не просматривается. Когда же Безухов выговаривал Курагину по поводу его связи с Наташей, то указал отнюдь не на греховные помышления, но остановился на *преступании* обозначенных Законом границ дозволенного:

«Вы не можете не понять наконец, что кроме вашего удовольствия есть счастье, спокойствие других людей <...>. Забавляйтесь с женщинами подобными моей супруге — с этими вы в своем праве» [Толстой, VI: 380].

Итак, принятый с явным радушием в доме Ростовых, Безухов был способен обрести себя среди других. Избавление от тяжкого бремени исключительности, или же, другими словами, *обособленности* от других, стяжаемой радетелями о *всеобщем* благе, Пьер чувствует после освобождения из плена, во сне. Ему приснился «живой колеблющийся земной шар» (это отсылка к другому образу романа «Война и мир»: на портрете, представленном Наполеону перед Бородинским сражением, был изображен его сын, протыкающий земной шар палочкой). Однако на протяжении всех своих жизненных исканий Пьер так и не преодолел двойственность сознания, и для него еще впереди нравственный выбор между Законом и Благодатью в духовном опыте самоопределения.

Освоение книги Толстого в контексте «большого времени» подводит к пониманию антитезы *войны* и *мира* как преломления христианской оппозиции Закона и Благодати в духовном опыте становления человека.

Примечания

- ¹ Митрополит Иларион в пасхальной литургии определяет основные категории христианской традиции в духовной культуре русского народа как оппозицию Закона и Благодати: «Иудеи весь соделывали оправдание свое в <мерцании> свечи закона, христиане же соделывали спасение свое в <сиянии> солнца Благодати» (см.: Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 31). Это укоренено в Евангельском откровении Иоанна: «...закон дан через Моисея, благодать же и истина произошли через Иисуса Христа» (Ин. 1:17), — и восходит к прозрению апостолом Павлом христианского спасения от греха: «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати» (Гал. 5:4). Протопресвитер Николай Афанасьев в речи на акте Богословского института в Париже 27 марта 1949 г. особо выделил духовные константы православно-славного сознания русского народа: «В церкви преодолевается несовершенство эмпирической жизни: подзаконная — правовая — жизнь становится благодатной <...> по своей природе Благодать исключает право подобно тому, как Благодать, преодолев его через восполнение, исключила ветхозаветный закон» [Афанасьев: 13].
- ² Так, В. Н. Захаров выводит повесть Достоевского «Двойник» за границы начетнического догматизма и возвращает ее в контекст духовной традиции отечественной культуры: «В “Двойнике” Достоевский защищает “человека в человеке”, его идеальную сущность, образ Божий в каждом из нас. Именно это убеждение он положил в основание великой идеи “Двойника” — “довольной светлой”, выше и серьезнее которой он никогда ничего в литературе <...> не проводил» [Захаров: 113], что предопределено духовной интерференцией Закона и Благодати в опыте нравственного самоопределения Голядкина.
- ³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 61. С. 207. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках. «Война и мир» цитируется по: [Толстой].
- ⁴ Еще в 1914 г. Н. Я. Абрамович обратил внимание на неисчерпаемость человеческой природы в антропологической концепции писателя: «Для Толстого-мыслителя величайшая весть Христа о том, что человек собою не кончается, что он не конечен и в самой основной своей сущности определяется чем-то бесконечным» [Абрамович: 35]. В своей последней статье Е. П. Барышников, предпринявший попытки понимания русской классики в контексте христианской культуры, в 1990 г. также

- излагает материал в свете ныне формирующейся литературоведческой аксиологии: «...человек сильнее всего, когда доходит до предела в горе и отчаянии: в эту роковую минуту вступает в то, что Толстой назвал “судьбой”, но вернее было бы назвать *благодатью*» [Барышников: 8].
- ⁵ Так, О. В. Сливичкая повторяет стереотипное суждение, не соотнося сказанное с материалом: «Пьер — самый толстовский из толстовских героев. Он — наиболее полное воплощение “человека Толстого”» [Сливичкая: 82]. Инерция научной мысли становится очевидной, если принять во внимание взятые на *вооружение* советским толстоведением, как в собственно литературоведческом, так и в методическом аспектах, по вполне объяснимым причинам, выводы Л. Д. Опульской о логике художественного воплощения духовных исканий Пьера Безухова: «Способность вырваться из привычных условий жизни, разрушать рамки устоявшегося бытия ради того, чтобы приобщиться к новому, народному, — главная исходная ситуация романа. “Война и мир” — книга о великом обновлении жизни, вызванном грозными историческими событиями» [Опульская: 116–117]. Вряд ли «самый толстовский герой» был наделен автором притязаниями *разрушить устоявшееся* и на его месте воздвигнуть нечто для всеобщего благоденствия.
- ⁶ К Безухову, как Петру Кирилловичу, обращается за поддержкой Петя Ростов, решивший поступить на военную службу, и мужики, проводившие его после Бородинского сражения до Можайска, называют его Петром Кирилловичем, да и в черновиках так его называет Каратаев: «Прощай, Петр Кирилыч, моченьки моей нет» (15, 137). Однако даже именование героев иногда обыгрывается с положительными коннотациями с прицелом доказать недоказуемое. Как отметила О. В. Сливичкая, «хотя согласно обычаям высшего общества <...> автор называет его Пьер, он постоянно подчеркивает его, Петра Кирилловича, национальный характер» [Сливичкая: 83].

Список литературы

1. Абрамович Н. Я. Религия Толстого. М.: Изд-во И. А. Маевского, 1914. 140 с.
2. Афанасьев Н. Власть любви: к проблеме права и благодати // Православная мысль. Paris: YMCA-PRESS, 1971. Вып. 14. С. 5–23.
3. Барышников Е. П. «Жизнь для других» как нравственно-этическая категория творчества Л. Н. Толстого // «Война и мир» Л. Н. Толстого: духовные константы и социальные переменные отечественной истории: материалы XVI Барышниковских чтений. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 4–9.
4. Густафсон Ричард Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб.: Академический проект, 2003. 480 с.
5. Есаулов И. А. Оппозиция Закона и Благодати и магистральный путь русской словесности // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 13–42. (а)

6. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: РХГА, 2017. 550 с. (b)
7. Есауловъ И. А. О любви. Радикальные интерпретации. Магаданъ: Новое Время, 2020. 216 с.
8. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
9. Лебедев Ю. В. О религиозных мотивах в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. № 2. С. 95–100.
10. Опульская Л. Д. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». М.: Провсвещение, 1987. 176 с.
11. Сливидцкая О. В. О Толстом. СПб.: Росток, 2020. 207 с.
12. Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1979–1981. Т. IV–VII.
13. Мориак Ф. Франсуа Мориак о «Войне и мире» // Вопросы литературы. 1961. № 1. С. 161–163.

References

1. Abramovich N. Ya. *Religiya Tolstogo [Religion of Tolstoy]*. Moscow, Izdatel'stvo I. A. Maevskogo Publ., 1914. 140 p. (In Russ.)
2. Afanas'ev N. The Power of Love: to the Problem of Law and Grace. In: *Pravoslavnaia mysl' [Orthodox Thought]*. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1971, issue 14, pp. 5–23. (In Russ.)
3. Baryshnikov E. P. "Life for Others" as a Moral and Ethical Category of Leo Tolstoy's Works. In: «*Voyna i mir*» L. N. Tolstogo: *dukhovnye konstanty i sotsial'nye peremennye otechestvennoy istorii: materialy XVI Baryshnikovskikh chteniy* ["*War and Peace*" by L. N. Tolstoy: *Spiritual Constants and Social Variables of Russian History: Materials of the 16th Baryshnikov Readings*]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University Publ., 2019, pp. 4–9. (In Russ.)
4. Gustafson Richard F. *Obitatel' i chuzhak. Teologiya i khudozhestvennoe tvorchestvo L'va Tolstogo [An Inhabitant and a Stranger: Theology and Artistic Creativity of L. Tolstoy]*. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 2003. 480 p. (In Russ.)
5. Esaulov I. A. The Opposition of Law and Grace and the Main Path of Russian Literature. In: *Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste [Russian Classical Literature in the World Cultural and Historical Context]*. Moscow, Indrik Publ., 2017, pp. 13–42. (In Russ.) (a)
6. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie [Russian Classics: New Understanding]*. St. Petersburg, the Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2017. 550 p. (In Russ.) (b)
7. Esaulov I. A. *O lyubvi. Radikal'nye interpretatsii [About Love. The Radical Interpretations]*. Magadan, Novoe Vremya Publ., 2020. 216 p. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)

9. Lebedev Yu. V. On Religious Motifs in “War and Peace” by Leo Tolstoy. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [*Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*], 2016, no. 2, pp. 95–100. (In Russ.)
10. Opul'skaya L. D. *Roman-epopeya L. N. Tolstogo «Voyna i mir»* [*The Epic Novel of Leo Tolstoy “War and Peace”*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987. 176 p. (In Russ.)
11. Slivitskaya O. V. *O Tolstom* [*About Tolstoy*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020. 207 p. (In Russ.)
12. Tolstoy L. N. War and Peace. In: *Tolstoy L. N. Sobranie sochineniy: v 22 tomakh* [*Tolstoy L. N. Collected Works: in 22 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979–1981, vol. 4–7. (In Russ.)
13. Mauriac F. François Mauriac on War and Peace. In: *Voprosy literatury*, 1961, no. 1, pp. 161–163. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кондратьев Александр Степанович, *Alexander S. Kondratiev*, PhD кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (ул. Ленина, 42, г. Липецк, Российская Федерация, 398020); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8355-0424>; e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru. (Philology), Associate Professor of the Department of Philology, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (ul. Lenina 42, Lipetsk, 398020, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8355-0424>; e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru.

Меринов Кирилл Александрович, *Kirill A. Merinov*, Student of the студент Института филологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (ул. Ленина, 42, г. Липецк, Российская Федерация, 398020); e-mail: klikovic123@gmail.com. Department of Philology, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (ul. Lenina 42, Lipetsk, 398020, Russian Federation); e-mail: klikovic123@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 26.10.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.11.2020

Принята к публикации / Accepted 11.01.2021

Дата публикации / Date of publication 05.02.2021